

А. В. Столяров

**Концепт информационного насилия и
его роль в осмыслении информационной
свободы**

Настоящий документ представляет собой черновик статьи (тезисов доклада), опубликованной в сборнике материалов Пятой конференции по проблемам безопасности и противодействия терроризму, проходившей в МГУ 29–30 октября 2009 г.

При цитировании просьба ссылаться на официальную публикацию, которая имеет следующие реквизиты:

А. В. Столяров. Концепт информационного насилия и его роль в осмыслении информационной свободы. // Материалы Пятой международной научной конференции по проблемам безопасности и противодействия терроризму. Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 29–30 октября 2009 г. Том 1. Материалы пленарного заседания и заседаний по тематике противодействия терроризму. — М.: МЦНМО, 2010. с. 336–343.

Распространение данного файла разрешено (всеми возможными техническими способами) и приветствуется, но только при условии буквального сохранения его исходной формы с точностью до байта. Внесение любых изменений, в том числе изменение формата представления, считается нарушением имущественных и неимущественных прав автора.

Концепт информационного насилия и его роль в осмыслении информационной свободы

А. В. Столяров*

Аннотация

В докладе рассматривается фундаментальное противоречие между свободой слова как основополагающей свободой личности, с одной стороны, и недопустимостью определённых случаев передачи информации, с другой стороны. На основании замечания о том, что в обмене информацией участвуют как минимум двое (передающий и принимающий), делается вывод о необходимости равного учёта интересов обоих; даётся определение информационного насилия. Это позволяет указать случаи недопустимой манипуляции информацией без ущемления прав и свобод участников информационных отношений.

Доклад посвящён давно известному противоречию общественных отношений, особенно обострившемуся сейчас, в эпоху взрывного формирования информационного общества.

С одной стороны, свобода слова была и остаётся одной из наиболее фундаментальных естественных свобод личности; любые её ущемления и ограничения неизбежно влекут за собой усиление социальной напряжённости, возникновение подпольных деструктивных движений и т. п. Свобода слова не должна подвергаться не только ограничению, но даже какому бы то ни было сомнению: отрицая свободу слова, мы уничтожаем самое понятие личной свободы, делаем бессмысленными любые разговоры о ней. Ещё в 1859 году Джон Стюарт Миль писал: «Свобода в принципе неприменима к обществу, предшествующему эпохе, где можно спокойно совершенствоваться путем свободных и равных дискуссий» [1].

С другой стороны, в некоторых случаях акт передачи информации оказывается действием совершенно однозначно недопустимым. В качестве простейших примеров можно назвать личные оскорбления, пропаганду ненависти и насилия и т. п. Статья 29 ныне действующей Конституции РФ полностью звучит следующим образом:

1. Каждому гарантируется свобода мысли и слова.
2. Не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства.
3. Никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них.
4. Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом.
5. Гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается.

* к.ф.-м.н., доцент; факультет Вычислительной математики и кибернетики МГУ им. М. В. Ломоносова, кафедра Алгоритмических языков.

С одной стороны, пункты первый и пятый здесь звучат достаточно однозначно, закрепляя за личностью такие ключевые свободы, как свобода мысли, слова, массовой информации и, наконец, свободу от цензуры. С другой стороны, второй пункт этой же статьи, как правило, воспринимается как некое «исключение» из свободы слова. Можно оспаривать допустимость таких вот «исключений», что часто и происходит; находятся люди, готовые оправдать (якобы в интересах свободы слова) даже тривиальное бытовое хамство. Однако практика, как это часто бывает, вносит свои коррективы.

Сеть Интернет, в особенности на ранних стадиях своего развития, породила одно из самых свободололюбивых и либерально настроенных сообществ в истории. Сейчас, когда Сеть Интернет стала явлением массовой культуры, это может быть не столь заметно, но ещё в первой половине 1990-х годов, когда Сеть всё ещё напоминала скорее элитарный клуб, этот «клуб» состоял преимущественно из людей, считающих свободу слова одной из высших ценностей, если не просто высшей. Сама мысль о каких бы то ни было компромиссах в этой области вызывала крайне болезненную и агрессивную реакцию сетевого сообщества; на первые попытки правительства США в 1996 году ограничить свободу Сети сообщество ответило Декларацией независимости киберпространства [2] и множественными акциями гражданского протеста.

Между тем, в первой половине 1990-х годов в Сети появились несанкционированные рассылки рекламной информации по каналам, не предназначенным для этого (так называемый спам). К середине 1990-х такие рассылки стали серьёзной проблемой, в конце тех же 1990-х практически уничтожили в сети Интернет целый вид информационного сервиса — так называемые новостные группы Usenet, а к настоящему моменту могли бы полностью уничтожить электронную почту как вид коммуникаций, если бы не героические усилия технических специалистов, работающих в инфраструктуре сети Интернет, в основном в провайдерских компаниях. Только недавно в ряде стран (но далеко не везде) появились официальные законодательные нормы, ограничивающие спам, и реально они пока нигде не работают. Техническим специалистам приходится выполнять несвойственную им функцию поддержания общественного порядка, при этом часто балансируя на грани нарушения закона.

Интересно, что даже в таких условиях сетевому сообществу удалось сохранить электронную почту как вид сервиса, практически полностью вытеснив любителей и дилетантов из «бизнеса» по рассылке спама. В настоящее время эффективно разослать спам может только профессионал, использующий заведомо криминальные методы: современные рассылки спама обычно производятся через множество машин конечных пользователей, зараженных троянскими вирусами. Согласно российскому законодательству преднамеренное заражение чужих компьютеров троянскими вирусами является уголовно наказуемым деянием, подпадающим под статьи 272 и 273 УК РФ, однако не известно пока ни одного случая осуждения спаммеров по этим статьям, хотя при соответствующей организации процесса можно было бы за соучастие в преступлениях осудить на тюремное заключение едва ли не всех руководителей организаций, заказывающих услуги по массовой рассылке рекламы. Приходится предположить, что государство пока не готово к серьёзным ограничениям рекламы.

Меры, предпринимаемые на техническом уровне, не способны уничтожить спам, но позволяют удерживать его количество на более-менее постоянном уровне; не будь этих мер, потоки паразитной информации, непрерывно растущие в объёме, сделали бы использование электронной почты невозможным много лет назад точно так же, как это случилось с новостными конференциями Usenet. Немудрено, что интернет-сообщество (отчасти вынужденно, отчасти потому, что спам не раздражает разве что самих спаммеров) очень быстро пришло к резкому неприятию спама.

Встречается мнение, что такое неприятие демонстрирует «истинную сущность» сетевого сообщества, которое ценит свободу слова лишь на словах, а не на деле. Так ли это?

Действительно, весь комплекс технических и организационных мер по противодействию спаму, предпринимаемых специалистами Сети, с самого начала вызывал и, как ни странно, до сих пор продолжает вызывать дискуссии этического характера, и в этих дискуссиях можно выделить три основные группы спорящих. К первой из них относятся адвокаты спама. Их основным аргументом, высказываемым против антиспаммерских мероприятий, является *свобода слова*: сам по себе спам они рассматривают как реализацию свободы слова, а блокирование и фильтрацию — как цензуру, и на основании этого требуют прекратить чинить препятствия рассылкам спама. Впрочем, автор настоящего доклада однажды ради эксперимента направил в почтовый ящик такого адвоката спама поток сообщений из специальной «ловушки» — почтового адреса, специально заведённого для определения источников спама, куда приходит ежедневно более тысячи спам-сообщений. Уже на следующий день человек, клеймивший технические методы противодействия спаму, прибег к ним сам, заблокировав приём почты с сервера, на котором поддерживалась ловушка.

Ко второй группе участников дискуссий о допустимости технических ограничений спама относятся те из противников спама, которые готовы поступиться свободой слова. Здесь спам оказывается аргументом в пользу того, что свобода слова есть не более чем красивые слова. Следует отметить, что такие убеждения высказываются не только в связи с проблемой спама; часто основанием для разговоров об «относительности» свободы слова, о невозможности её и даже о её нежелательности или несправедливости служат такие очевидно негативные явления, как личные оскорбления, оскорбления религиозных чувств, клевета, открытая публикация сведений о личной жизни и других персональных данных и тому подобное. Можно услышать и слова о том, что свобода печати не должна быть абсолютной, поскольку СМИ являются серьёзной силой в современном обществе и должны подходить к своей деятельности ответственно, не допуская, к примеру, таких публикаций, которые могут иметь серьёзные негативные последствия с социальной точки зрения.

Есть, однако, и третья группа дискутирующих — те, кто, с одной стороны, относятся с уважением к свободе слова, но, с другой стороны, не желают терпеть спам. В этом случае остаётся лишь требовать уточнения понятия свободы слова. Одно из таких уточнений, появившееся в середине 1990-х годов, основывается на утверждении, что свобода слова есть свобода говорить, но никоим образом не свобода быть услышанным. Однако подобные утверждения остаются весьма спорными и напоминающими установку правил *ad hoc*, если только не подвести под них дополнительную базу. Так, в сентябре 2008 года Верховный суд штата Вирджиния признал действующий в этом штате закон против спама неконституционным, т. к. закон запрещает не только коммерческий спам, но и рассылку писем политического и религиозного содержания; судья заявил, что такие письма (в отличие от коммерческих) защищены свободой слова. Между тем, некоммерческие (или псевдонекоммерческие) рассылки составляют весьма значительную долю всего существующего спама и доставляют ничуть не меньше неудобств, нежели рассылки коммерческие.

Итак, свободу слова невозможно рассматривать как свободу говорить кому угодно что угодно; однако существующее положение, при котором сам термин «свобода слова» допускает столь широкий диапазон толкований, не удовлетворяет потребности общества, так что необходимо обоснованное уточнение понятийной базы, связанной со свободой слова.

Отметим теперь, что *в любом акте передачи информации участвуют как минимум две стороны*: передающий и принимающий, отправитель и получатель, и т. д.; любой информационный обмен, таким образом, является взаимодействием индивидуумов. Принцип всеобщего равенства перед законом требует равного учёта интересов как передающего, так и принимающего. Из этого можно сделать вполне очевидный вывод, что информационный обмен, на который хотя бы один из участников (либо передающий, либо получающий информацию) не дал своего согласия, является *насилием*. Между тем, никакая свобода не является и не может считаться основанием для совершения насилия над другими людьми.

Введение понятия информационного насилия позволяет сформулировать основные положения информационной свободы. Во-первых, поскольку любой информационный обмен является собой взаимодействие индивидуумов, необходимо потребовать согласия каждого из участников — как передающего, так и принимающего. Во-вторых, необходимо учесть свободу волеизъявления и потребовать, чтобы соответствующий информационный обмен не противоречил никаким обязательствам, которые были ранее взяты на себя кем-либо из участников обмена. В-третьих, чтобы гарантировать неприкосновенность личных свобод индивидуума, необходимо потребовать, чтобы *никаких иных ограничений на обмен информацией не налагалось*.

Итак, определим *информационную свободу* как модель общественного устройства, при которой любое информационное взаимодействие может (и должно) состояться тогда и только тогда, когда все его непосредственные участники согласны в нём участвовать и ни один из участников не связан добровольно взятыми на себя обязательствами, делающими соответствующий информационный обмен невозможным. С другой стороны, любое активное действие, нарушающее информационную свободу личности, такое как передача информации без согласия хотя бы одного из участников информационного взаимодействия (без согласия принимающего или без согласия передающего), либо вмешательство третьих лиц в свободное информационное взаимодействие с целью его нарушения и/или активные действия третьих лиц, делающие соответствующий обмен невозможным, будем называть *информационным насилием* над личностью.

Информационное насилие можно очевидным образом разделить на три основных проявления. К первому из них мы отнесём *получение информации без согласия её обладателя*, т. е. передачу информации без согласия передающего. Сюда относятся, прежде всего, всевозможный шпионаж, прослушивание каналов связи, перлюстрация почтовой корреспонденции, радиоперехват и тому подобное. К этому же виду можно отнести прямую кражу носителей информации, что позволяет при рассмотрении такой кражи не ограничивать размер нанесённого ущерба стоимостью самих носителей. Необходимо заметить, что к этому же типу информационного насилия относится и принуждение к даче свидетельских показаний; такой вывод может показаться неожиданным лишь на первый взгляд. Обязанность давать свидетельские показания вне зависимости от своего желания означает, что человек не вправе по своему усмотрению распорядиться содержимым собственной памяти, то есть *распорядиться собой*; в отсутствие же права распорядиться собой становятся бессмысленными вообще какие бы то ни было разговоры о свободе и правах человека.

Второй вид информационного насилия — это *передача информации без согласия получателя*. Кроме уже упоминавшегося выше спама к этому виду относятся словесные оскорбления, злонамеренная дезинформация и т. п. Вместе с тем, к данному виду информационного насилия приходится отнести большую часть существующей рекламы, пропаганду любого рода вне всякой зависимости от её целей, миссионерскую деятельность всевозможных религиозных конфессий, включая секты, оказание психологического давления любого рода, проведение в общественных местах всевозможных демонстраций, митингов, пикетов и тому подобных мероприятий, имеющих целью навязывание окружающим определённых (обычно политических) точек зрения. Насилием этого вида оказываются также торговля вне специально отведённых мест (магазинов и рынков), коммивояжерская деятельность и, наконец, обыкновенное попрошайничество.

В третий, и последний вид информационного насилия выделим *вмешательство третьих лиц в свободный информационный обмен*, протекающий с согласия всех его участников и не противоречащий действующим добровольным обязательствам участников. К этому виду относится всевозможная цензура, как государственная, так и осуществляемая на других уровнях общественных отношений. Кроме того, к этому же виду насилия при внимательном рассмотрении приходится отнести существенную часть мероприятий по

обеспечению института интеллектуальной собственности (прежде всего — имущественных авторских прав).

Под определение информационного насилия можно подвести и такие хорошо известные явления, как *клевета* и *плагиат*, однако для этого необходимо отказаться от традиционных воззрений на то, кто является в этих случаях пострадавшей стороной: как клевета, так и плагиат вне всякого сомнения являются *злонамеренной дезинформацией*, так что пострадавшим следует считать непосредственного получателя информации, будь то клеветнические сведения или ложные сведения об авторстве.

Таким образом, понятие информационного насилия охватывает множество явлений, традиционно считавшихся незаконными (оскорбления, пропаганда насилия и экстремизма, злонамеренная дезинформация, шпионаж, цензура, клевета и др.), некоторые явления, законность которых сомнительна и зависит от конкретной юрисдикции (в качестве примеров назовём попрошайничество и принуждение к даче свидетельских показаний), или такие, которые в силу инертности общества формально остаются законными, но которые невозможно, тем не менее, считать допустимыми (тот же спам). Наконец, информационным насилием оказалось достаточно заметное множество явлений, традиционно воспринимаемых как вполне законные, привычные и часто воспринимаемые как полезные: реклама и деятельность коммивояжеров; пропаганда «положительных» с социальной точки зрения явлений, таких как отказ от курения и т. п.; политические демонстрации, вообще так называемая свобода митингов и шествий; распространение религиозных убеждений, прозелитизм; наконец, авторское право в его имущественной части. Заметим, однако, что все перечисленные «законные» виды информационного насилия имеют одну очевидную общую черту: в каждом случае их проявления можно указать значительное количество лиц, чьим интересам такие явления противоречат. Так, реклама, в особенности навязчивая, порождает массовое раздражение и социальную напряжённость; та же пропаганда отказа от курения приводит к недовольству курящих граждан, часто принимающему довольно резкие формы; проведение политических демонстраций, митингов и пикетов нередко вызывает жалобы со стороны гражданского населения, чьё место проживания или работы находится вблизи от мест проведения соответствующих акций, а также тех, кто случайно наткнулся на проходящую демонстрацию на своём пути. Любые деструктивные секты и экстремистские религиозные организации не смогли бы существовать без притока новых членов, обеспечиваемого миссионерской деятельностью. Что же касается авторско-правового законодательства в его имущественной части, то в последние годы широко обсуждается (см., напр., [3]) наносимый им безусловный вред практически всему обществу, за исключением ничтожно малой прослойки издателей и совсем уже считанных единиц профессиональных и хорошо раскрученных авторов, имеющих высокие гонорары. Что касается тех авторов, которым не посчастливилось войти в число «избранных», то для них копирайтное законодательство предстаёт в виде богатейшего набора средств, используемых издателями для *ущемления* их интересов. Подробное обсуждение этого вопроса выходит за рамки доклада и может быть найдено в статье [4].

Итак, принятие концепции информационной свободы в сформулированном выше виде потребует серьёзного перестроения общественных отношений; в то же время, противоречия, накопленные за годы становления информационного общества, в любом случае требуют радикальной смены парадигм во многих сферах человеческой деятельности, и в этом плане признание информационного насилия недопустимым наравне с насилием физическим существенно облегчает поиск правильного пути преобразований.

С другой стороны, очевидны положительные последствия запрета информационного насилия. Так, запрет навязываемой рекламы, во-первых, сделает более комфортным проживание в крупных населённых пунктах, и, во-вторых, заставит производителей товаров и услуг соревноваться в соотношении цена/качество, а не в интенсивности рекламных кампаний. Отмена имущественных авторских прав даст дополнительный творческий стимул

писателям-любителям, предоставив им дополнительную читательскую аудиторию, ускорит развитие свободного программного обеспечения и ликвидирует источник социальной напряженности, возникший на противоречии интересов издательского бизнеса, с одной стороны, и всего общества — с другой.

Небезынтересной иллюстрацией социального эффекта концепта информационного насилия оказывается его проявление в отношении маргинальных религиозных течений. Известно, что человека, вовлечённого в авторитарную секту, практически невозможно признать пострадавшим, поскольку сам он себя таковым не считает, даже если он при этом отдал секте всё своё имущество. В то же время эффективность миссионерской деятельности составляет доли процента, то есть из всех людей, имевших беседы с миссионерами, подавляющее большинство в секту не попадает; если этих людей объявить пострадавшими, сектантов-миссионеров можно будет привлекать к уголовной ответственности за сам факт их деятельности, представляющей собой информационное насилие. Это позволит существенно снизить остроту проблемы деструктивных сект и религиозного экстремизма.

Список литературы

- [1] Милль Дж. О свободе / Пер. с англ. А. Фридмана // Наука и жизнь. — 1993. 11. С. 10–15; 12. С. 21–26.
- [2] Barlow, John Perry. A Declaration of the Independence of Cyberspace. Davos, Switzerland. February 8, 1996. <http://homes.eff.org/~barlow/Declaration-Final.html>. Русский перевод см., напр., <http://posix.ru/openway/declaration/>
- [3] Stallman, Richard M. Misinterpreting copyrights — A series of errors. // Free Software, Free Society: Selected Essays of Richard M. Stallman. GNU Press, Boston, 2002. pp.79–88.
- [4] Столяров А. В. Интеллектуальная собственность: каменный топор цифровой эпохи. // Столяров А. В. Проблемы информационного общества. Сборник статей. М.: МАКС Пресс, 2008, с. 46–85.